

вошел в цикл чешских легенд, мы можем только там, где он появляется впервые, т. е. у Кристиана. Здесь Борживой выступает во второй главе, т. е. в рамках Кирилло-Мефодиевской легенды. Позже обе легенды (Вацлавская и Кирилло-Мефодиевская) сближаются: например, в чешском изводе «Crescente» Борживой фигурирует вместо Спитигнева в начале Вацлавской легенды; наоборот, в «Diffundente» Мефодий приходит в Чехию крестить Людмилу. Кристиан же ясно показывает, что первоначальное место Борживоя — в кирилло-мефодиевской агиографии.

Поэтому напрасно было бы искать источник сообщения Кристиана о крещении Борживоя в кругу Вацлавских легенд; его можно найти единственно в области кирилло-мефодиевской агиографии. Однако скептики указывают, что и здесь, в частности в житии Мефодия, нет упоминаний не только о Борживое, но даже о Пржемысловцах и вообще о Чехии. Ввиду того что все памятники кирилло-мефодиевского круга молчат о Борживое, остается один выход: апеллировать к несохранившимся источникам. Как ни парадоксально, во всех подобных суждениях об утраченных памятниках, из которых Кристиан мог узнать о крещении Борживоя, маяком служит Хроника Козьмы. Ее автор был заклятым недругом славянской литургии, поэтому, казалось бы, напрасно искать у него ссылки на труды, касающиеся деятельности Кирилла и Мефодия. На самом же деле Козьма упоминает о двух трудах, по-видимому, такого рода: «Privilegium Moraviensis ecclesie» и «Epilogus eiusdem terre atque Voemie». Контекст (I, 15) указывает, что в одном из них говорилось о крещении Борживоя. Большая часть уже упомянутой книги Халоупецкого «Источники X века» посвящена проблеме этих двух памятников, о которых Козьма высказался несколько неясно. Халоупецкий отождествляет «Epilogus» с «Diffundente», «Privilegium» же пытается реконструировать на основе четырех легенд: легенды Кристиана, «Diffundente», «Beatus Cirillus» и «Tempore Michaelis». Решение Халоупецкого было отвергнуто почти всеми, но, возможно, и я полагаю правильно, иное решение, лежащее в той же плоскости, по которой шел и он. Козьма не мог, конечно, подразумевать под «Epilogus» «Diffundente» — памятник XIV в. Но это вполне мог быть прототип «Privilegium», относящийся к X в., т. е. Кристиан. «Privilegium» же нет надобности реконструировать на основе четырех сохранившихся памятников, раз есть возможность отождествить его с легендой «Beatus Cirillus», написанной, судя по многим признакам, на основе Кристиана во второй половине XI в. Идентификацией обоих источников Козьмы я подробно занимался в предыдущих работах.³

Ссылки Козьмы служили для Халоупецкого и других исследователей основой для предположения о существовании по меньшей мере двух весьма древних источников, которыми задолго до Козьмы пользовался Кристиан. Эта конструкция сама по себе искусственна и произвольна. Козьма едва ли цитировал бы труды, возникшие когда-то в начале X в. и уходящие своими корнями в Кирилло-Мефодиевскую эпоху. К тому же эта конструкция совершенно излишня, раз источники Козьмы мы можем отождествить с хорошо нам известным Кристианом и с легендой «Beatus Cirillus», впервые изданной Халоупецким. Возникновение всей этой конструкции можно объяснить единственно стремлением подменить Кристиана более ранними источниками. Но поиски и реконструкция предполагаемых,

³ O. Králík. 1) Privilegium Moraviensis ecclesie. — Byzantinoslavica, t. XXI, 2. Prague, 1960, стр. 219—237; 2) Imaginární historie. Acta universitatis Palackianae. Historica, II. Olomouc, 1961.